И. И. Янжулъ.

ЗАБАСТОВКИ

или

СТАЧКИ РАБОЧИХЪ И ЧИНОВНИКОВЪ,

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ, КРИТИКА И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХЪ ЗАМѢНЫ.

Книгоиздательство
„ДРУЗЕЙ СВОБОДЫ И ПОРЯДКА".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, 4.
1906.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 26 января 1906. г.

ОТЪ АВТОРА.

Изъ многихъ вопросовъ, выдвинутыхъ русской экономической жизнью за послѣднее время, ни одинъ, можетъ быть, не имѣетъ такого широкаго, всеобъемлющаго значенія, какъ вопросъ о временныхъ рабочихъ соглашеніяхъ, или такъ называемыхъ забастовкахъ или стачкахъ въ то время, какъ другіе вопросы имѣютъ обыкновенно важность, преимущественно, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ классовъ народа и прямую связь лишь съ ихъ интересами; вопросъ о забастовкахъ (конечно, сколько нибудь обширныхъ) сохранятъ важность и проявляетъ интересъ болѣе или менѣе для всѣхъ классовъ и бьетъ по карману всякого... Онъ важенъ и для перваго государственнаго человѣка въ странѣ и для послѣдняго крестьянина или горожанина, для богатаго фабриканта и бѣднаго рабочаго, для чиновника и купца.... и т. д. и т. д.

Несмотря однако на все крупное значеніе этого вопроса въ экономической жизни народа, по новизнѣ, вѣроятно, дѣла, русская литература о стачкахъ, можно сказать, почти не существуетъ и нашему «среднему читателю» негдѣ получить краткое, въ бѣгломъ очеркѣ, сколько-нибудь правильное понятіе о главныхъ сторонахъ этого крайне существеннаго практическаго вопроса [1]).

---

[1]) Мнѣ извѣстно лишь два русскихъ сочиненія на эту тему, во 1-хъ гр. Скаржинскаго «Забастовки», которое, къ сожалѣнію: трактуетъ большею частію другіе вопросы, вмѣсто забастовокъ и прекрасный, но исключительно статистическій трудъ В. Е. Варзара: «Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 года».

Удовлетворить именно этой назрѣвшей потребности и составляетъ цѣль настоящей маленькой брошюры: авторъ желалъ сообщить въ ней «среднему» читателю краткое представленіе о существѣ экономическихъ забастовокъ, основаніи ихъ права на существованіе, ихъ обычной на Западѣ организаціи, ихъ видахъ, значеніи и различіи—для рабочихъ и чиновниковъ, ихъ слабыхъ сторонахъ и положительномъ вредѣ и наконецъ о современномъ стремленіи регулировать одни виды стачекъ, путемъ ихъ ограниченія, въ интересахъ общаго блага, а другіе виды—по возможности предупреждать или замѣнять устройствомъ такъ называемыхъ примирительныхъ камеръ и третейскаго суда.

Таково содержаніе настоящей брошюры о стачкахъ: все излагается, по возможности, общепонятнымъ языкомъ, сжато и кратко, сберегая одинаково мѣсто и время... Авторъ слѣдовалъ здѣсь и держался стараго правила: «въ немногомъ посильно сообщить многое [1])...»!!..

С.-Петербургъ.
Январь 1906 года

---

[1]) Мы не приводимъ въ брошюрѣ Высочайшіе указы Сенату отъ Декабря 1905 г, какъ распоряженія исключительно «*временныя*»—«впредь до изданія общаго о стачкахъ закона», что вѣроятно, и будетъ вскорѣ измѣнено съ созывомъ Государственной Думы.

ЗАБАСТОВКИ ИЛИ СТАЧКИ РАБОЧИХЪ И ЧИНОВНИКОВЪ,

ихъ значеніе, критика и возможность ихъ замѣны.

I

У французскаго народа сохранилась одна умная и весьма поучительная сказка, которая имѣетъ какъ-бы прямое отношеніе къ современнымъ событіямъ въ Россіи и ихъ наглядно изображаетъ. Вотъ въ чемъ заключается содержаніе этой любопытной сказки:

«Въ одной деревнѣ жилъ мальчикъ по имени Гандаленъ, а въ одномъ домѣ съ нимъ проживалъ волшебникъ. На обязанности Гандалена лежало таскать воду для жителей всего дома; одинъ лишь волшебникъ обходился безъ его помощи, а между тѣмъ у него-то и всегда было вдоволь воды! Это обстоятельство долго подстрекало любопытство Гандалена и онъ началъ подсматривать за волшебникомъ. Улучивъ однажды удобную минуту, спрятался около его комнаты и началъ подглядывать. Сначала все было тихо, но вдругъ Гандаленъ слышитъ, что волшебникъ произноситъ два слова. Онъ смотритъ въ щель, и что же видитъ? Стоящая въ углу метла, благодаря словамъ

волшебника, превратилась въ водоноса, который взялъ ведро и побѣжалъ съ нимъ къ ближайшей рѣкѣ... Принеся воду, онъ вновь отправляется за ней и путешествуетъ за водою до тѣхъ поръ, пока всѣ чаны въ квартирѣ волшебника не были наполнены до верха. Гандаленъ пришелъ въ восторгъ отъ всего видѣннаго и на слѣдующій же день спрятался опять для той же цѣли и постарался твердо запомнить тѣ слова, которыя даютъ возможность метлу превращать въ волшебнаго водоноса. Обрадованный своимъ открытіемъ, въ слѣдующій за тѣмъ день Гандаленъ имъ воспользовался, чтобы не трудиться самому ходить за водой. Метла, по его приказанію точно также превратилась въ водоноса, и стала усердно наполнять чаны водою. Но вотъ чаны уже наполнены, Гандаленъ кричитъ водоносу—«достаточно, больше не надо»! но волшебный, молчаливый водоносъ, не слушая его приказаній, опять вновь и вновь отправляется за водою и льетъ ее въ переполненные до краевъ чаны. Вода бѣжитъ черезъ край на полъ, вызывая общій испугъ и смятеніе, Гандаленъ умоляетъ, упрашиваетъ водоноса, но тотъ безмолвно, какъ истуканъ, продолжаетъ свою обязанность. Дѣло въ томъ, что Гандаленъ, узнавши два волшебныя слова, необходимыя для превращенія метлы въ водоноса, на радостяхъ забылъ подслушать тѣ слова, которыми наоборотъ, волшебникъ превращалъ водоноса, въ метлу! Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась продѣлка Гандалена, если бы, къ счастью, волшебникъ не вернулся вскорѣ домой и не сказалъ двухъ желанныхъ словъ, послѣ которыхъ водоносъ,

превратившись въ метлу, мирно успокоился въ углу комнаты и угрожавшее наводненіе было прекращено» [1]).

Совершенно случайно, конечно, русская экономическая жизнь настоящаго времени, по аналогіи, невольно приводитъ на память эту сказку о Гандаленѣ и волшебномъ водоносѣ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мануфактурная промышленность начала развиваться въ Россіи при дѣятельной помощи и содѣйствіи самого правительства. Борьба рабочихъ съ хозяевами путемъ сговора и прекращенія работы, столь распространенная въ Западной Европѣ, въ Россіи долго была почти неизвѣстна; но вотъ съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка и у насъ она начинаетъ появляться и чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ чаще и разнообразнѣй, несмотря на прямое запрещеніе закономъ всякихъ подобныхъ организацій временныхъ и постоянныхъ. Прошлый 1905 годъ надо считать годомъ по преимуществу забастовокъ, которыя, подобно урагану, пронеслись по всему широкому пространству Россійской Имперіи, не оставляя почти ни одинъ видъ профессіональнаго труда безъ представителей, среди бастующихъ.

Подобно Гандалену, русскій народъ скоро выучился устраивать забастовки, наводнилъ ими страну, но не знаетъ способа, тѣхъ волшебныхъ словъ, съ помощью которыхъ возможно ихъ остановить и прекратить

---

[1]) Sismondi, Etude sur l' Economie Politique, а также Revue de Paris 1894 г. № 13 (Aout) стр. 552.

тяжкій вредъ, приносимый стачками цѣлому государству и всѣмъ частнымъ лицамъ!..

Собственно стачкой или забастовкой на экономическомъ языкѣ называется сговоръ или соглашеніе рабочихъ временно прекратить свою работу съ цѣлью улучшенія условій своего труда, или въ смыслѣ сокращенія его времени, или увеличенія его вознагражденія, или иного способа болѣе благопріятныхъ условій работы. Всякаго рода другія цѣли забастовки *политическаго* происхожденія придаютъ уже имъ совсѣмъ иной характеръ; почему такія временные союзы всздѣ разсматриваются съ другой точки зрѣнія, какъ орудіе политической дѣятельности и несомнѣнно выходятъ изъ области экономической борьбы, сохраняя съ настоящей экономической забастовкой исключительно лишь одно внѣшнее сходство. Политическія забастовки въ Западной Европѣ, сравнительно съ экономическими, встрѣчаются гораздо рѣже, преимущественно въ новѣйшее время и представляя дѣло отдѣльныхъ партій, онѣ рѣдко приводятъ къ благопріятнымъ результатамъ. Таковы были, напримѣръ, забастовки въ Бельгіи въ 1893 и 1902 годахъ, въ цѣляхъ достиженія всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права; во Франціи весной 1902 года также въ интересахъ измѣненія избирательнаго закона; въ Швеціи, въ Стокгольмѣ, съ той же цѣлью и т. д. и всѣ онѣ почти кончились неудачей.

У насъ въ теченіи 1905 года забастовки сдѣлались непрерывными въ обоихъ видахъ, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ. Рядомъ съ добровольз-

нымъ прекращеніемъ работы, на многихъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденіяхъ Россіи имѣло большую силу, въ особенности въ послѣднихъ забастовкахъ, прямое принужденіе и угрозы, поэтому русскіе забастовки отличались чрезвычайной распространенностью, въ сравненіи съ Европой, и глубокимъ зломъ общаго раззоренія, которыя онѣ наносили хозяйству страны. Чуть-ли не во главѣ пошли политическія забастовки высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣющія ни смысла, ни оправданія въ экономическомъ отношеніи; затѣмъ забастовали фабрики, мастерскія, отчасти торговыя заведенія обширнаго государства—частью по доброй волѣ, частью по приказанію стачечныхъ властей,—желѣзныя дороги, пароходства и самые разнообразные даже мелкіе виды труда: какъ-то, полотеры, трубочисты, повара, кухарки, наконецъ чиновники государственной службы—банковые чиновники, почталіоны, телеграфисты, телефонисты и т. д. и т. д.

Наибольшей разрушительной силой отличалась крупная, можно сказать, неслыханная по размѣрамъ, политическая и экономическая забастовка въ октябрѣ 1905 г.; забастовка эта продлилась въ общемъ около 2-хъ недѣль, а съ повтореніемъ въ концѣ года не менѣе полутора мѣсяцевъ и явилось страшнымъ средствомъ для опустошенія страны, бѣдствія которой трудно и перечислить. Вотъ что говоритъ напр. о ней современное «Новое время» отъ 1-го января 1905 г., т. е. непосредственно по окончаніи этой грандіозной стачки.

«Вся экономическая дѣятельность остановилась. Но остановилась не такъ, какъ это разсказано въ из-

вѣстной сказкѣ о Спящей Царевнѣ, а съ глубокимъ потрясеніемъ всего хозяйственнаго организма огромной страны! Города остались безъ продовольствія, фабрики безъ топлива и матеріаловъ, купцы безъ товаровъ, голодающіе крестьяне безъ закупленнаго для нихъ хлѣба. банки съ просроченными векселями и т. д. Въ то же самое время колоссальный народный капиталъ въ видѣ рельсовой сѣти, стоящій свыше 5-ти милліардовъ рублей остался безъ дѣйствія, не переставая однако требовать расходовъ на проценты по соотвѣтствующимъ займамъ на погашеніе этого капитала и даже на содержаніе огромной арміи желѣзнодорожныхъ служащихъ—свыше 300 тысячъ человѣкъ», которые получили какъ бы за это крупную прибавку на сумму 16 милліоновъ рублей, по бюджету на 1906 годъ, для однѣхъ только казенныхъ дорогъ!? Сверхъ того, считая недоборовъ по желѣзной дорогѣ 2 милліона ежедневно за полтора мѣсяца всѣхъ забастовокъ прошлаго года, убытокъ для однѣхъ лишь желѣзныхъ дорогъ достигъ 90 милліоновъ рублей, не считая всего разстройства въ дѣловомъ оборотѣ страны!..

Частныя потери отъ забастовокъ рабочихъ, какъ и хозяевъ несомнѣнно громадны, но никакимъ учетамъ не поддаются и объ нихъ можно говорить лишь гадательно, такъ: «По вычисленію министерства торговли и промышленности, забастовка текущаго года легла тяжелымъ гнетомъ на бюджетъ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Подсчетъ еще не законченъ, да и едва ли можетъ дать вполнѣ точныя цыфры.

Однако уже и теперь можно отмѣтить, что если принять за основаніе разсчета цыфру потерянныхъ за время забастовокъ дней и средній размѣръ получаемаго рабочими заработка, то по одной только С.-Петербургской губерніи рабочими уже до послѣдней текущей забастовки недополучено около 4.736,000 рублей. По Московской губерніи потеря заработка рабочихъ опредѣлилась, при средней поденной платѣ въ 90 коп., въ 2 слишкомъ милліона рублей, а по Владимірской въ 2.500,000 рублей, при среднемъ заработкѣ въ 60 копеекъ въ сутки». (Смотр. «Новое время» 1905 г. 15 декабря).

Такимъ образомъ всѣ вышеприведенныя данныя достаточно показываютъ весь разнообразный вредъ, приносимый стачками, какъ обѣимъ сторонамъ въ ней участвующимъ, такъ и третьимъ лицамъ, т. е. совершенно постороннимъ—вообще всей странѣ (а отчасти даже сосѣднимъ государствамъ, какъ наша напр. Октябрьская забастовка 1905 г. желѣзныхъ дорогъ, а позднѣе почты и телеграфа).

Въ другихъ болѣе старыхъ странахъ, нежели Россія, до нѣкоторой степени сдерживающею ихъ стороной является то обстоятельство, что, обычно, стачки вездѣ устраиваются лишь союзами рабочихъ, а не отдѣльными промышленными заведеніями и притомъ послѣ предварительнаго зрѣлаго размышленія и согласія всѣхъ товарищей. Организація стачекъ напр. въ Англіи, гдѣ наиболѣе выработаны и развиты всѣ пріемы и способы экономической борьбы хозяевъ и рабочихъ, слѣдующая: «Обсудивши первоначально необходимость заба-

стовки, Генеральный Совѣтъ, стоящій въ Англіи во главѣ всѣхъ рабочихъ союзовъ (Trade's Unions), вступаетъ въ предварительные переговоры съ предпринимателями и только въ томъ случаѣ, если его предложеніе отвергнуто, оповѣщаетъ рабочихъ о забастовкѣ съ извѣстнаго числа. Если дѣло идетъ о заработной платѣ, то рабочіе часто не могутъ вести личныхъ переговоровъ, такъ какъ вопросъ о томъ, возможно ли повышеніе платы или нѣтъ, можетъ быть рѣшонъ лишь при помощи лица, близко знакомаго съ бухгалтеріей, фабрикантъ можетъ доказать невыполнимость требованій рабочихъ, иначе какъ только раскрытіемъ своихъ книгъ, а большинство рабочихъ, конечно, вовсе не въ состояніи ориентироваться въ сложномъ счетоводствѣ. Поэтому принято приглашать экспертовъ изъ постороннихъ лицъ, опытныхъ бухгалтеровъ и даже фабрикантовъ, пользующихся особымъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны рабочихъ. Если переговоры не ведутъ къ мирному рѣшенію дѣла, работа останавливается и начинается стачка, всегда связанная съ большими жертвами для обѣихъ сторонъ. Рабочимъ помогаетъ союзъ еженедѣльными пособіями, но какъ ни важна эта помощь, при высокомъ заработкѣ англійскаго рабочаго,—она все таки въ нѣсколько разъ меньше заработной платы и это обстоятельство понижаетъ уровень потребностей рабочаго и иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что неможетъ не отражаться пагубно на ихъ общемъ благосостояніи»...

Въ Англіи обыкновенно употребляется такая за-

бастовочная тактика: рабочіе дѣлаютъ стачку не сразу на всѣхъ фабрикахъ, а по очередно, при такомъ порядкѣ рабочіе другихъ фабрикъ, на которыхъ работа продолжается, могутъ помогать своимъ товарищамъ, прекратившимъ работу. Разумѣется это невыгодно для фабрикантовъ, такъ какъ затягиваетъ стачки и побуждаетъ ихъ образовывать свои собственныя союзы, члены которыхъ обязаны немедленно разсчитывать рабочихъ на своихъ фабрикахъ, какъ скоро въ сосѣдствѣ устроена стачка.

Въ странахъ старой культуры, какъ Англія, Франція, большую сдерживающую также роль въ обузданіи и регулированіи стачекъ играетъ общественное мнѣніе страны и прежде нежели начинать забастовку, рабочіе союзы стараются расположить къ себѣ общество, которое въ благопріятномъ случаѣ устраиваетъ подписки и сборы въ пользу бастующихъ, оказывая въ тоже время нѣкоторое нравственное давленіе и на противную сторону. Въ стачкѣ заинтересовано, помимо рабочихъ и много постороннихъ лицъ, какъ тѣхъ, которые связаны съ этой отраслью промышленности, рабочіе которой сдѣлали стачку, такъ и тѣхъ, интересы которыхъ зависятъ отъ продажи различныхъ продуктовъ продовольствія рабочимъ. Отсюда понятно, что прекращеніе стачки всегда желательно для весьма многихъ лицъ. Всѣ эти лица обыкновенно являются непрошенными посредниками, которые стараются устранить необходимость личныхъ сношеній между враждующими сторонами и, главное, примирить ихъ... Въ свою очередь, смотря по ходу стачки,

по личнымъ мотивамъ и другимъ причинамъ, общественное мнѣніе склоняется на ту или другую сторону и часто принуждаетъ противника идти на уступки... Въ то же время во всѣхъ образованныхъ странахъ, какъ правило общее, всякое насиліе и принужденіе къ участію въ стачкахъ единодушно осуждается и въ большей, или меньшей мѣрѣ преслѣдуется закономъ.

Несмотря на все вышесказанное, тѣмъ неменѣе далеко не всѣ стачки, разумѣется, достигаютъ своей цѣли и рабочіе получаютъ желаемое. Согласно даннымъ, сообщаемымъ В. Е Варзаромъ за 10 лѣтъ (1895—1904 гг.) число русскихъ стачекъ, кончившихся удачей для рабочихъ (вполнѣ или отчасти) непревосходитъ 50%, т. е. половины всѣхъ стачекъ [1]). Даже въ такихъ странахъ съ развитыми рабочими союзами, владѣющими огромными капиталами, какъ въ Англіи и Америкѣ, т р е т ь я часть всѣхъ затѣваемыхъ стачекъ обыкновенно неудается, обрушиваясь всею тяжестію на головы самихъ рабочихъ классовъ.. въ Баваріи же напр. за 1889—96 гг., изъ 198 стачекъ было неудачныхъ—154 (!!), т. е. цѣлыхъ д в ѣ т р е т и!

Не надо забывать, что стачки вызываютъ другое важное зло для интересовъ рабочихъ классовъ—обратную тенденцію хозяевъ устраивать свои забастовки, т. н. л о к а у т ъ (lockout), съ цѣлью такъ или иначе понизить матерьяльный уровень, или ухудшить условія найма, или положенія рабочаго въ смыслѣ платы, или продолжительности труда, или иныхъ условій работы.

[1]) См. «Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. СПБ 1905 г.», стр. 67.

Кромѣ того забастовки рабочихъ заставляютъ предпринимателей сплотиться, устраивать тѣ или иные постоянные союзы, (какъ мы раньше упомянули), съ цѣлью защиты себя отъ стремленій рабочихъ и единодушнаго противодѣйствія ихъ настояніямъ и требованіямъ... Такимъ образомъ иная случайная и можетъ быть краткосрочная забастовка рабочихъ, хотя бы окончилась даже ихъ побѣдой, можетъ принести имъ много зла постояннаго и на продолжительное время въ будушемъ...

Трудно вообразить себѣ и перечислить всѣ тѣ бѣдствія, которыя навлекаетъ на рабочихъ продолжительная стачка: обыкновенно и прежде всего рабочій издерживаетъ во время забастовки не только всѣ сбереженія, которыя скопилъ въ благопріятное для заработка время, но спускаетъ или закладываетъ все свое имущество и рухлядь; самыя физическія силы его отъ дурнаго питанія, нервнаго возбужденія слабѣютъ часто за это время и когда стачка кончилась ему приходится, какъ бы вновь начинать жить и устраивать свое гнѣздо, если онъ женатый, съ подавленнымъ чувствомъ досады на сдѣланный неосторожный шагъ, съ жалобой на судьбу, съ гнѣвомъ на товарищей, хозяина и самого себя!..

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя невыгоды стачекъ и даже ихъ прямой и крупный вредъ должны были уже давно встрѣтить со стороны государства попытки, въ томъ или иномъ видѣ, противодѣйствія имъ; со стороны рабочихъ—тѣ же причины вызываютъ стремленіе прибѣгать къ стачкамъ рѣже и

рѣже, какъ къ сильному, но и обоюдоострому средству борьбы.. Стачка есть та «палка о двухъ концахъ», о которой напоминаетъ извѣстная русская поговорка, если западноевро́пейскій рабочій и обращается иногда къ этому опасному средству, то, нѣтъ сомнѣнія, лишь потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ странахъ, гдѣ еще слабо выработаны средства и способы примиренія и соглашенія при экономической борьбѣ хозяевъ и рабочихъ, стачка дѣйствительно можетъ явиться полезной для интересовъ рабочихъ, какъ послѣдній сильный аргументъ въ глазахъ предпринимателя, имѣющій цѣлью—принулить хозяина отказомъ отъ его работы и рискомъ его личныхъ потерь, которыя онъ понесетъ, согласиться на то или иное улучшеніе условій ихъ труда...

Въ виду послѣднихъ соображеній, какъ правило, почти во всѣхъ культурныхъ странахъ, экономическія стачки закономъ вездѣ дозволяются, но во первыхъ съ нѣкоторыми извѣстными ограниченіями, и во вторыхъ, ихъ устройство допускается лишь по добровольному соглашенію участниковъ, безъ всякаго при томъ насилія и угрозъ для лицъ нежелающихъ бастовать. По своимъ цѣлямъ наконецъ всѣ забастовки возможно подвести подъ четыре вида: 1-хъ, забастовки—для повышенія заработной платы, или противодѣйствія ея уменьшенію; во 2-хъ забастовки—для сокращенія рабочаго времени или противодѣйствія его увеличенію; въ 3-хъ, для ограниченія пріема учениковъ и для недопущенія къ работѣ неискусныхъ рабочихъ; въ 4-хъ, для регулированія способовъ работы или

АКАДЕМІЯ

фабричныхъ порядковъ въ родѣ напр. расчета вознагражденія за излишнюю (сверхъурочную) работу и т. п. Всѣ подобнаго рода стачки или забастовки закономъ повсемѣстно и свободно разрѣшаются; ограниченія же или исключенія диктуются разными видами соображеній общественной или государственной пользы:

а) интересами народнаго здравія и физическаго благосостоянія народа (напр водоснабженіе)

б) интересами нравственнаго порядка, когда забастовка можетъ косвенно способствовать увеличенію преступленій въ странѣ (напр. освѣщеніе).

в) интересами безопасности и защиты страны, когда забастовка можетъ облегчать во время войны побѣду или успѣхи непріятельской арміи и флоту.

г) когда извѣстная забастовка препятствуетъ общественнымъ и государственнымъ органамъ къ отправленію ихъ функцій и тѣмъ какъ-бы разрушаетъ государство (напр. желѣз дороги, телеграфъ, почта)

д) когда забастовка вызываетъ громадный экономическій ущербъ отдѣльнымъ классамъ народа или правительству, который далеко превосходитъ по своимъ размѣрамъ интересы соотвѣтствующей группы рабочихъ, устроившихъ эту стачку и могушихъ воспользоваться ея плодами (торговля съѣстными припасами, желѣзныя дороги и проч.).

Вообще можно считать за правило или руководящій принципъ, что позволительны или допустимы лишь тѣ экономическія забастовки, которыя не при-

чиняютъ третьимъ лицамъ, къ стачкѣ имѣющимъ лишь косвенное отношеніе, *тяжкаго и трудно поправимаго зла* какого-бы то рода ни было.

Согласно установленнымъ выше условіямъ, забастовки должны быть запрещены во всѣхъ промышленныхъ учрежденіяхъ по водоснабженію (и канализаціи), освѣщенію, какъ городскихъ улицъ, такъ казенныхъ и частныхъ зданій,—на казенныхъ заведеніяхъ для чеканки монеты и печатанія бумажныхъ денегъ и знаковъ; въ торговыхъ заведеніяхъ, продающихъ предметы или припасы первой необходимости (хлѣбъ, мясо, молоко и т. п.); во всѣхъ учрежденіяхъ для массоваго передвиженія людей и грузовъ, какъ-то желѣзныя дороги, конки трамваи, омнибусы и способы передвиженія водой (пароходы, лодки, паромы и пр.), въ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ и всякихъ иныхъ учрежденіяхъ для помощи больному и страждущему человѣчеству и вообще во всѣхъ тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ по указанію времени или особыхъ условій страны и города, или отдѣльныхъ частей страны, запрещеніе стачекъ окажется необходимымъ, слѣдуя, или въ силу вышеприведенныхъ принциповъ или началъ и ихъ указаній.

Сверхъ того должны быть запрещены с п е ц і а л ь н о во время войны, всѣ стачки, препятствующіе или могущіе вредить государственной оборонѣ, какъ напр. забастовки на заводахъ для производства и починки оружія, постройки ни починки судовъ, выдѣлки всякихъ военныхъ снарядовъ, пороха и вообще приготовленія всѣхъ какого бы то ни было рода предметовъ для удовлетворенія войска и нужныхъ правительству для успѣшнаго веденія войны.

Во всѣхъ перечисленныхъ заведеніяхъ или мѣстахъ торговли, забастовки въ указанныхъ важныхъ цѣляхъ, должны быть запрещены подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, въ интересахъ общаго блага цѣлаго народа, коего классъ фабричныхъ рабочихъ въ Россіи составляетъ собственно лишь очень малую часть (около 3%).

Но помимо чисто экономическихъ забастовокъ, которыя исключительно мы до сихъ поръ и имѣли въ виду, забастовокъ, вызываемыхъ мотивами матерьяльнаго свойства, а также исключая чисто политическія забастовки, которыя нашему разсмотрѣнію не подлежатъ, какъ преступленія противъ государственнаго порядка и даже основъ экономическихъ не имѣющихъ, существуетъ еще третья категорія стачекъ, или забастовокъ, такъ сказать, смѣшаннаго характера, гдѣ рядомъ съ экономическими мотивами и побужденіями, имѣютъ мѣсто, если не всегда по цѣлямъ, то по положенію бастующихъ, политическія соображенія. Это *забастовки чиновниковъ*, хотя бы и вольнонаемныхъ и рабочихъ на государственной и общественной службѣ, рѣчь о которыхъ должна быть выдвинута въ отдѣльную главу. Въ данномъ случаѣ служащіе на государственной и общественной (напр. на городской, — земской) — нами уравнены, ибо въ экономическомъ отношеніи обѣ категоріи чиновковъ схожи, по свойству и характеру тѣхъ учрежденій, которымъ они служатъ. Такъ напр. въ хозяйствѣ государственномъ, какъ и земскомъ, или городскомъ—рѣшающимъ и руководящимъ моментомъ и мотивомъ вовсе не является непремѣнно выгода, многія ихъ

услуги (и даже большая часть) безплатны и лишь имѣется въ виду наилучшее удовлетвореніе тѣхъ или иныхъ человѣческихъ потребностей. Въ виду послѣднихъ соображеній и нельзя къ чиновнику, все равно на службѣ государственной или общественной, относиться, какъ къ обыкновенному рабочему и примѣнить къ его публичнымъ дѣйствіямъ одинаковый масштабъ...

Всякій чиновникъ, какое бы ничтожное въ общей служебной іерархіи мѣсто онъ не занималъ, (все равно въ городскомъ, земскомъ управленіи, или у государства), является какъ бы носителемъ частицы извѣстной власти и всегда и всюду имѣется предположеніе («презумпція»—юридически), что чиновникъ служитъ не деньгамъ имъ зарабатываемымъ, ни хозяину, а самому дѣлу и общественному благу, что конечно, далеко возвышаетъ и отличаетъ его отъ рабочаго, хотя бы его вознагражденіе и было даже ниже [1])...

---

[1]) Вотъ какое напр. мнѣніе высказывается о забастовкахъ чиновниковъ; можетъ быть нѣсколько рѣзкое, но въ общемъ вѣрное! «Забастовки чиновниковъ—почтово-телеграфныхъ и всякихъ другихъ—это не только нелѣпость и безсмыслица: это — постыдное преступленіе, основанное на измѣнѣ долгу и чести которое можно сравнить развѣ съ измѣной отечеству или съ дезертирствомъ во время войны. Ибо забастовка чиновниковъ, начинаясь нарушеніемъ присяги и долга службы, направлена прямо и непосредственно противъ страны, противъ народа, за счетъ котораго чиновники получаютъ свое жалованье. Вотъ кто здѣсь другая сторона, а вовсе не начальство, которому забастовка подчиненныхъ нисколько не мѣшаетъ получать изъ того же народнаго кошелька присвоенное содержаніе. Такая забастовка—открытый грабежъ народа, всѣхъ плательщиковъ казны. Высокія политическія задачи, якобы руководящія забастовщиками, никогда не оправдаютъ того разгрома, которому подвергаютъ народъ чиновные забастовщики»! (Нов. Вр., отъ 10 Ноября 1905 г.).

II.

Такимъ образомъ особую категорію забастовокъ, гораздо болѣе опасную и всюду отрицаемую составляютъ соглашенія съ цѣлью прекращенія работы или стачки чиновниковъ, или лицъ на государственной или общественной службѣ: во всѣхъ странахъ такія забастовки строго запрещаются или закономъ, или же общественнымъ мнѣніемъ, какъ несогласныя съ идеей государственныхъ и общественныхъ интересовъ, коихъ они являются представителями [1])...

Какъ извѣстно, недавно только, въ прошломъ Ноябрѣ 1905 года, наша Россія вынесла такую тяжелую и крайне-разорительную почтово-телеграфную забастовку, начавшуюся изъ-за ничтожнаго сравнительно повода; благодаря счетамъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, гдѣ-то въ Москвѣ, со своимъ начальствомъ, мы лишились недавно одной изъ важныхъ свободъ—свободы, присущей каждому государству, даже еще не получившему благъ четырехъ свободъ 17 Октября сего года,—свободы обмѣна своихъ мыслей со всѣми

[1]) **Настоящая II глава брошюры была уже напечатана раньше въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» отъ 19 Ноября 1905 г., № 247, но въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.**

людьми, не только живущими въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ, такъ какъ разъ порвана связь почтово-телеграфныхъ сношеній между важнѣйшими пунктами страны, какъ Москва и С.-Петербургъ, она была порвана, отчасти, позднѣе и съ заграницей. Безполезно распространяться о громадномъ вредѣ этого проявленія злой человѣческой воли, хотя-бы движимой самыми вопіющими нарушеніями правъ гг. московскихъ почтовыхъ чиновниковъ. Богъ далъ человѣку великій даръ выражать свои мысли изустно и письменно, и забастовка почтово-телеграфная, сводитъ конечно, къ нулю второй Божій даръ, ибо какой смыслъ въ письменномъ изложеніи мыслей, когда письма нельзя переслать другому лицу?!. Но почтовая забастовка идетъ, собственно, дальше и налагаетъ даже частичное ограниченіе и на первый даръ — словесное выраженіе мыслей, ибо все, что теперь говорится, а говорится нынче, благодаря политическому оживленію всей страны, очень много на разныхъ собраніяхъ, съ пріостановкой почты на неопредѣленное время также пріостанавливается. «Неужели можно оправдать, спрашиваетъ справедливо хроникеръ «Вѣст. Европы» (Декабрь, 1905 г) возвращеніе, хотя бы на нѣсколько дней современной общественной и государственной жизни къ условіямъ глубокой древности? Неужели причина равноцѣнна принятой мѣрѣ? Современная лихорадочная жизнь требуетъ непрерывныхъ сношеній. На быстротѣ и педантичной точности почты и телеграфа основана вся торговля, управленіе государствомъ, управленіе каждымъ дѣломъ. Прямо или кос-

венно, но въ непрерывности почтово-телеграфныхъ сношеній заинтересовано все населеніе. Каждый день забастовки причиняетъ ему неисчислимый ущербъ матеріальный и моральный. Такая забастовка разрушаетъ благосостояніе страны на многіе годы. .»

Спрашивается, какъ отнестись къ этому примѣненію частнаго права стачекъ въ государственной службѣ вообще и въ почтово-телеграфной въ особенности.

1) Государство и различныя общественныя группы, построенныя по его образцу (какъ земства, города и проч.), ведутъ свое хозяйство совсѣмъ на иномъ началѣ, нежели частныя лица; у послѣднихъ на первомъ планѣ стоитъ коммерческій принципъ—прибыльность или доходность занятія или предпріятія и только то изъ нихъ считается удачнымъ и хорошо веденнымъ, которое даетъ матеріальную выгоду, не иначе, и чѣмъ предпріятіе или занятіе выгоднѣе, чѣмъ большій доходъ даетъ въ результатѣ, тѣмъ оно считается лучшимъ и изъ двухъ ремесленниковъ или торговцевъ, или фабрикантовъ, тотъ ставится общимъ мнѣніемъ выше въ хозяйственномъ отношеніи, у котораго прибыль значительнѣе, при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ. Совершенно другой принципъ и другая мѣрка прилагается къ дѣятельности государства и всѣхъ его функцій; тутъ принципъ доходности хотя и не отвергается, но ставится на второй планъ, на подчиненное мѣсто. Путеводной задачей хорошо веденнаго государственнаго хозяйства служитъ вовсе не наибольшая прибыльность его, а наилучшее

удовлетвореніе цѣлямъ общаго народнаго блага, такъ или иначе понимаемаго. Государство вовсе не гонятся во что бы то ни стало за наибольшей, бухгалтерски доказываемой, выгодностью того или иного своего предпріятія, сплошь и рядомъ какъ разъ наоборотъ: изъ двухъ видовъ или способовъ веденія того или иного вида хозяйственной дѣятельности, государство можетъ иногда предпочитать (и даже должно это дѣлать) наименѣе выгодное въ матеріальномъ отношеніи. Какъ разъ это касается почтоваго дѣла. Если бы государство, подобно частному лицу, гонялось исключительно за выгодой при устройствѣ почты, то оно связало бы усиленно лишь тѣ пункты страны, въ которыхъ имѣется на лицо наибольшая многолюдность и зажиточность и гдѣ поэтому ожидается наибольшая масса корреспонденціи и, напротивъ, оставило бы безъ вниманія и безъ почтовыхъ сношеній всѣ малолюдные и отдаленные пункты, не обѣщающіе оживленныхъ сношеній и, слѣдовательно, прямо невыгодные, — доставка десятка писемъ или сотни навѣрное обходится государству почти одно и то же! Между тѣмъ, въ дѣйствительности какъ разъ обратное — всякое благоустроенное правовое государство непремѣнно стремится по возможности связать всѣ пункты страны и сдѣлать благо почтовыхъ сношеній правомъ, осуществимымъ для каждаго гражданина, гдѣ бы онъ въ данной странѣ ни жилъ и по возможности при этомъ дешевле. Многіе ученые финансисты отвергаютъ даже въ принципѣ стремленіе казны къ полученію почтоваго дохода, утверждая, что вся прибыль

почты должны по возможности уходить на ея удешевленіе и улучшеніе.

Согласно вышеуказанному глубокому различію началъ государственнаго и частнаго хозяйства, самыя проявленія ихъ дѣятельности крайне различны и исходятъ, и опредѣляются разными исходными пунктами Частное лицо за каждую свою услугу или работу требуетъ непремѣнно ея эквивалента — вознагражденія (за рѣдкими исключеніями); у государства, напротивъ, значительная часть его услугъ или работъ, иногда совершаемыхъ съ огромными затратами, для всѣхъ безплатны, причемъ нерѣдко не только для своихъ гражданъ, но и для иностранцевъ; къ такимъ безденежнымъ услугамъ принадлежитъ со стороны государства, напримѣръ, охрана личности и собственности, въ значительной степени правосудіе, отчасти пути сообщенія (дороги, мосты, улицы и проч.), начальныя школы, многіе музеи, библіотеки и т. под Изъ этого различія по необходимости проистекаетъ и разное отношеніе вопроса о стачкахъ къ государству и къ частному предпринимателю. Стачкой или забастовкой называется временное соглашеніе лицъ трудящихся по найму съ цѣлью улучшить свое экономическое положеніе въ томъ или иномъ отношеніи, чаще всего — путемъ возвышенія вознагражденія за трудъ или измѣненія къ лучшему нѣкоторыхъ условій найма. Разъ стачка происходитъ между наемниками, рабочими или служащими частнаго предпринимателя — нравственное оправданіе ея не подлежитъ сомнѣнію и когда рабочіе сговорились прекратить или пріостановить работу,

дабы вынудить своего хозяина къ исполненію ихъ экономическаго желанія, хозяинъ воленъ принять ихъ условія или нѣтъ,—отвергнуть. Рабочимъ можно лишь предъявить за исключеніемъ нѣкоторыхъ спецальныхъ видовъ промысловъ, гдѣ забастовки особенно вредны и опасны (См. выше, стр. 17) лишь одно непремѣнное условіе. отсутствіе насилія надъ товарищами; легальная забастовка непремѣнно должна быть добровольная, а не вынужденная силой или угрозами.

Добиваясь отъ предпринимателя путемъ сговора удовтетворенія своихъ матеріальныхъ требованій, влекущихъ увеличеніе хозяйскаго расхода, рабочіе совершенно справедливо разсчитываютъ, что хозяинъ ради этого постарается, насколько возможно по условіямъ конкурренціи, увеличить цѣну будущаго продукта и тѣмъ самымъ переложить съ себя на потребителя и вознаградить себя за увеличеніе расхода въ силу требованій рабочихъ.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ при стачкѣ или забастовкѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ. Тутъ служащіе или рабочіе никоимъ образомъ не могутъ разсчитывать на то, чтобы ихъ предприниматель, т. е. государство (все равно—земство или городъ), переложитъ или компенсируетъ себя за счетъ покупателей ихъ услугъ или потребителей ихъ товаровъ, какъ это имѣетъ всегда мѣсто въ частномъ хозяйствѣ, уже въ силу того, какъ это было выше говорено, что данныя услуги государства могутъ быть какъ разъ безплатны или продаваться ниже ихъ стоимости. Откуда, напримѣръ, можетъ государство выдать увеличенную цифру

содержанія для учителей начальной школы? Разумѣется изъ общихъ государственныхъ доходовъ, взимаемыхъ преимущественно налогами, въ томъ числѣ частью, несомнѣнно, съ тѣхъ же самыхъ учителей. А для почтово-телеграфныхъ чиновъ? Въ большинствѣ странъ, какъ мы говорили, принято, какъ правило, отнюдь за доходами по этой части не гнаться и полученное издерживать для нуждъ того же вѣдомства, почему вездѣ въ Европѣ почтово телеграфные расходы (за небольшими исключеніями, какъ Англія) ничтожны. У насъ, правда, этотъ доходъ довольно значителенъ, но именно потому, что почтово-телеграфное дѣло въ Россіи мало цѣнилось и было поставлено далеко неправильно, но нѣтъ сомнѣнія, что съ совершившейся политической реформой представительства въ Россіи, у насъ почтово-телеграфное дѣло, съ дальнѣйшимъ развитіемъ и совершенствованіемъ его, дастъ самые незначительные остатки, а всѣ иныя увеличенія расходовъ его пойдутъ даже изъ общегосударственныхъ средствъ. Еще болѣе того, конечно надо имѣть въ виду огромный перевѣсъ расходовъ надъ доходами въ правосудіи, охранѣ страны и т. д. Очевидно, какъ правило, стачка или забастовка въ государственной службѣ не можетъ вызывать или создавать ростъ увеличеннаго дохода предпріятій и приведетъ въ концѣ концовъ лишь къ росту податной тягости неповинныхъ и безъ того болѣе обремененныхъ налогами плательщиковъ, чѣмъ г.г. забастовавшіе чиновники.

Такимъ образомъ, матеріальный результатъ всякой

стачки въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, перекладывается и тяжесть ея несется какими-то предпринимателями (въ видѣ уменьшенія ихъ прибыли) или какими-то третьими лицами, при экспортѣ — даже иностранцами, тогда какъ матеріальный ущербъ для государства, вслѣдствіе стачки чиновниковъ, наоборотъ непремѣнно покрывается всегда ихъ ближайшими товарищами, гражданами той же страны или даже того же города

2) Помимо высказанныхъ соображеній, государственную или общественную службу по самому существу своему далеко нельзя считать и она нигдѣ не считается за промыселъ или ремесло. Косвеннымъ доказательствомъ этого является, напр., то, что промысловые и торговые налоги въ разныхъ странахъ, какъ правило, не распространяются на государственную службу, и ни одинъ, напр., чиновникъ, а также учитель, профессоръ, докторь и пр. употребленіе слова ремесленникъ или промышленникъ по примѣненію къ нему не сочтетъ иначе, какъ за оскорбленіе. Очевидно, существуетъ значительная внутренняя разница между трудомъ чиновника и трудомъ частныхъ лицъ торгово-промышленнаго класса; денежный моментъ въ первомъ не является рѣшающимъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ быть таковымъ для чиновника, и хотя для него, какъ и для каждаго лица, денежное и матеріальное вознагражденіе имѣетъ большое значеніе, но онъ также гордъ и сознаніемъ той общественной пользы или блага, которое онъ можетъ и долженъ приносить своей службой. Тотъ, кто не имѣетъ этого сознанія, не

можетъ считаться хорошимъ чиновникомъ; вопросъ о денежной выгодѣ, очевидно, заслоняетъ для него само высокое значеніе государственной или общественной службы.

3) Самое существованіе государства, его жизнь становятся невозможными при допущеніи факта забастовки чиновниковъ. Государство необходимо людямъ по тому разнообразному благу, которое оно имъ доставляетъ и по выполненію тѣхъ обязанностей, которыя оно на себя беретъ; оно выполняетъ цѣлый рядъ функцій, составляющихъ общія и отдѣльныя права каждаго гражданина и всѣхъ вообще жителей данной страны какъ-то: охраны, правосудія, образованія, пути сообщенія и т. д.; исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей государствомъ (вмѣстѣ и порознь) невозможно, немыслимо и неисполнимо при допущеніи стачекъ государственныхъ чиновниковъ; экономическій же ущербъ составляетъ для всей страны, несомнѣнно, многіе милліоны; съ остановкой почтово-телеграфныхъ сношеній пріостановливается также немедленно въ значительной степени и вся торговая дѣятельность народа. Частичные случаи у насъ забастовки войскъ, матросовъ и проч. уже доказали, что подобныя соглашенія ведутъ лишь къ общему разоренію, убійствамъ и анархіи, слѣды которой не скоро исчезнутъ изъ страны. Но и въ другихъ отрасляхъ народной дѣятельности и жизни всякія стачки лицъ, служащихъ государству, являются неизвинительнымъ посягательствомъ на права всѣхъ согражданъ съ самыми тяжелыми послѣдствіями для общаго блага.

Какъ, напр., осуществить во время почтово-телеграфной забастовки право каждаго на почтово-телеграфныя сношенія? [1]). Никого нельзя, какъ правило, лишать принадлежащихъ ему правъ, напр., права собственности безъ суда и какихъ-либо солидныхъ основаній, утвержденныхъ или указанныхъ закономъ; между тѣмъ, мы всѣ (т. е. 140 милл. человѣкъ однихъ лишь русскихъ подданныхъ, не говоря объ иностранцахъ) въ почтово-телеграфную забастовку были лишены этого права безъ всякихъ объясненій и предупрежденій, по личному произволу нашихъ московскихъ чиновниковъ, можетъ быть и правыхъ въ своихъ требованіяхъ, а можетъ быть и нѣтъ?!

4) Разумѣется, если чиновники и вообще служащіе на государственной или общественной службѣ, какъ это видно изъ примѣра и другихъ странъ, гдѣ повсемѣстно запрещены подобнаго рода забастовки, лишены права стачекъ, то дѣлаютъ это не въ силу одного лишь своего подданства или гражданства въ данной странѣ; какъ правило, вездѣ государственная служба имѣетъ свои особыя выгоды и право на стачки компенсируется для государственныхъ чиновниковъ иными способами. во-первыхъ, почетомъ, которымъ эта служба окружена, сравнительно съ частной [2]),

[1]) Мнѣ извѣстенъ лично, напр. въ эту послѣднюю забастовку, постыдный для государства случай обращенія одной семьи. по этому поводу, къ стачечной власти—«совѣту рабочихъ депутатовъ» за помощью!!?

[2]) «Чиновникъ, какъ бы скромно не было его служебное положеніе, есть органъ власти..» Далѣе «служба создаетъ для чиновника право на власть, и отсюда вытекаютъ ограниченія его

и нравственнымъ сознаніемъ, и чувствомъ приносимой народу пользы, чего обыкновенному промыслу или ремеслу, гдѣ двигателемъ является только денежный интересъ, недостаетъ. Не говоря о томъ, что чиновникъ въ большей или меньшей мѣрѣ вездѣ получаетъ разнаго рода награды, ордена, пенсіи, они имѣютъ также и болѣе прочное положеніе, нежели служащіе или работающіе у частныхъ лицъ, которые часто подлежатъ всѣмъ капризамъ произвола и усмотрѣнія ихъ хозяина или ближайшаго мастера или директора.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ заключеніе, что стачки чиновниковъ на государственной и общественной службѣ, въ противоположность частнымъ лицамъ и рабочимъ также у частныхъ предпринимателей, не только не оправдываются общими условіями и задачами ихъ установленій, но, сверхъ того, лишая всѣхъ согражданъ законнаго пользованія тѣми или иными ихъ правами, препятствуютъ государству въ исполненіи его непосредственныхъ функцій и обязанностей, такъ сказать, *извращаютъ его назначеніе*, а посему всѣ стачки и забастовки подобнаго рода угрожаютъ серьезно самому существованію государства, драгоцѣнному для всѣхъ согражданъ. и являясь потому непосредственнымъ преступленіемъ, должны влечь за собою уголовное наказаніе, а гдѣ

правъ какъ гражданина. Въ частности ограниченіе, по цѣли и задачамъ, права союзовъ и собраній». (См. «Вѣст Евр.» 1905 г., Дек., стр. 863 и дальше).

возможно и гражданскую отвѣтственность передъ лицами, которыя пострадали отъ этихъ преступленій, причемъ послѣднимъ должно быть предоставлено самое широкое право формальныхъ доказательствъ понесеннаго ими ущерба для иска съ того вѣдомства, гдѣ означенныя стачки чиновниковъ произошли.

III.

Вредныя стороны забастовокъ съ давняго времени обращали на себя вниманіе филантроповъ, какъ и самихъ рабочихъ на изысканіе средствъ и способовъ къ замѣнѣ стачекъ чѣмъ либо инымъ или къ примиренію борющихся сторонъ и окончанію ихъ распрей миромъ. Любопытно, что во первыхъ наиболѣе извѣстные по успѣху, въ этомъ направленіи попытки, относятся сравнительно къ новѣйшему времени (второй половинѣ прошлаго вѣка) и вовторыхъ, что хотя эти опыты въ разныхъ случаяхъ и странъ были различны, но въ общемъ имѣли и большое сходство... Очевидно, для того чтобы примирить зачастую противоположные интересы двухъ сторонъ, необходимо было привлечь къ рѣшенію вопроса избранныхъ лицъ изъ обѣихъ сторонъ, т. е. отъ хозяевъ и рабочихъ и снабдить притомъ ихъ извѣстными полномочіями, правомъ напр. допроса отдѣльныхъ лицъ фабричной администраціи, представленія, въ случаѣ нужды, разныхъ документовъ и иныхъ доказательствъ и пр. Избранные уполномоченные разбираютъ всесторонне вопросъ, провѣряютъ отвѣты и показанія противной стороны и высказываютъ то или иное сужденіе, которое, разумѣется продолжительное

время было совсѣмъ добровольнымъ и вполнѣ необязательнымъ: ему можно было подчиниться, или же избрать другой путь—стачку со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями.. Первоначально всѣ подобныя примирительныя учрежденія были исключительно приватны, т. е. учреждались на отдѣльныхъ заведеніяхъ и только во время какого-либо несогласія или безпорядка; но позднѣе выступаетъ на сцену тенденція сдѣлать эти учрежденія болѣе постоянными, при участіи союзовъ рабочихъ и хозяевъ, или самого государства и притомъ общими для извѣстныхъ промышленныхъ пунктовъ страны, или отдѣльныхъ отраслей производства; притомъ, рядомъ съ добровольными соглашеніями или примиреніями, начинаютъ выступать новыя начала — принудительный и рѣшающій голосъ посредника, или третейскаго судьи...

Несомнѣнно этимъ учрежденіямъ извѣстнымъ подъ именемъ примирительныхъ камеръ предстоитъ въ будущемъ великая роль—совершенной, можетъ быть, замѣны забастовокъ и предупрежденія ихъ большею частію путемъ мирнаго соглашенія несогласныхъ сторонъ. Какъ было уже выше указано, всѣ эти учрежденія для противодѣйствія стачкамъ сравнительно новѣйшаго происхожденія по своему происхожденію и наибольшее развитіе получили въ Англіи, ея колоніяхъ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. До настоящаго времени въ Англіи—два главныхъ типа этихъ камеръ, сходныхъ между собою по задачамъ и различающихся по нѣкоторымъ особенностямъ своей организаціи. Оба эти вида англійскихъ примирительныхъ

ныхъ камеръ появились почти въ одно и тоже время, въ концѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтіями и носятъ обыкновенно имена двухъ лицъ, которымъ обязаны существованіемъ: одинъ—фабриканту Мунделла, другой—судьѣ Кеттль....

Мунделла, очень крупный фабрикантъ въ Англіи и на континентѣ Европы, пользовавшійся между рабочими большой популярностію, въ 1868 году, во время одной готовившейся стачки въ Ноттингэмѣ предложилъ рабочимъ составить посредническую камеру и поручить рѣшеніе дѣла. Рабочіе, довѣрявшіе Мунделла, охотно приняли его предложеніе, стачка несостоялась и, по словамъ Мунделла, никогда не было такого сердечнаго согласія между фабрикантами и рабочими въ Ноттингэмѣ, какъ съ тѣхъ поръ. Эта примирительная камера состоитъ изъ 18 членовъ, по ровну выбранныхъ изъ числа фабрикантовъ и рабочихъ; она собирается регулярно каждую четверть года, и постоянная задача ея состоитъ въ установленіи всѣхъ условій работы (главнымъ образомъ—размѣровъ заработной платы) и разрѣшеніи всѣхъ споровъ, которые могутъ возникать между хозяевами и рабочими въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, кромѣ тѣхъ, которые подлежатъ общему суду. Всякое несогласіе немедленно доводится до свѣденія камеры и хотя бы то было ни во время обычнаго засѣданія если она найдетъ дѣло важнымъ,—назначаетъ спеціальную коммиссію изъ 4 членовъ; эта слѣдственная коммиссія производитъ изслѣдованіе, при которомъ стремится къ примиренію сторонъ, старается всячески привести ихъ къ соглашенію. По этому

своему свойству—«стремленію исключительно къ соглашенію и примиренію»,—типъ камеръ Мунделла можетъ быть названъ по преимуществу примирительнымъ...

Нѣсколько другого рода примирительная камера возникла въ томъ же 1868 году въ Вульгамптонѣ, по иниціативѣ извѣстнаго судьи Кеттля, который и былъ избранъ президентомъ новой камеры. Принципиальная разница между этими двумя учрежденіями состоитъ въ томъ, что рѣшеніе членовъ камеры Мунделла не обладаетъ обязательной силой и подчиненіе ему является дѣломъ добровольнымъ, тогда, какъ въ камерѣ Кеттля, въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ состояться добровольное соглашеніе, члены камеры обязуются подчиняться рѣшенію третейскаго судьи. Въ камерѣ Мунделла объясненія сторонъ для ихъ соглашенія должны продолжаться до тѣхъ поръ, пока члены не придутъ къ соглашенію (или разойдутся); въ камерѣ же Кеттля соглашеніе есть не болѣе, какъ проба устранить недоразумѣніе легчайшимъ способомъ, такъ какъ есть на лицо другое болѣе сильное средство — третейскій судъ съ обязательнымъ приговоромъ. Нѣсколько позднѣе, по желанію парламента, рѣшеніямъ камеры Кеттля придана обязательная сила, т е. рѣшенія эти получаютъ какъ-бы силу закона...

Изъ этого видно, что центральная тяжесть въ системѣ Кеттля лежитъ въ рѣшеніи безпристрастнаго судьи. Обыкновенно же впрочемъ третейскій судья рѣдко призывается къ рѣшенію: одно лишь присутствіе въ собраніи безпристрастнаго судьи, его вмѣ-

шательство въ переговоры и сознаніе, что его рѣшеніе о б я з а т е л ь н о, заставляетъ членовъ камеры быстрѣе приходить къ соглашенію.

Камера Мунделла замѣтно приближается послѣднее время къ типу камеры Кеттля, такъ какъ и въ ней въ большинствѣ случаевъ рабочіе выбираютъ безпристрастнаго судью, который руководитъ засѣданіемъ и присутствіе котораго является тѣмъ болѣе необходимымъ, что рабочіе и фабриканты равно представлены въ камерѣ и что слѣд. при раздѣленіи голосовъ поровну, только голосъ судьи можетъ дать перевѣсъ той или иной сторонѣ.

Конечно, своимъ существованіемъ примирительныя камеры обязаны исключительно рабочимъ союзамъ; безъ союзовъ самыя камеры едва ли бы могли рѣшать дѣла, такъ какъ только союзы въ состояніи принудить отдѣльныхъ рабочихъ повиноваться постановленіямъ камеръ, угрожая неповинующимся исключеніемъ изъ союза. Кромѣ того представители въ камеры избираются только союзами и большею частію члены союза, исполняющіе въ немъ какія-либо должности, являются представителями рабочихъ въ примирительныхъ камерахъ. Въ колоніи Новая Зеландія они даже исключительно— члены союзовъ, (см. ниже).

Послѣдній законъ въ Англіи по данному предмету прошелъ всего въ 1896 г.

Изъ другихъ способовъ устройства камеръ заслуживаютъ упоминанія въ Европѣ учрежденія подобнаго рода во Франціи и Австріи. Во Франціи по данному вопросу дѣйствуетъ законъ 1892 года, по кото-

рому обязанность примиренія, или точнѣе организація камеръ, при возникающихъ несогласіяхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ между хозяевами и рабочими возлагается на мировыхъ судей, а такъ какъ во Франціи насчитывается 2870 мировыхъ участка и судей, то очевидно данная фабрика, или иное промышленное заведеніе, въ которомъ понадобилось проявленіе дѣятельности примирительной камеры, немогутъ быть очень удалены по разстоянію отъ судьи. По закону требуется иниціатива одной стороны, т.-е. заявленіе судьѣ желанія рабочими или хозяевами, (впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается инициатива и самого судьи): въ теченіе 24 часовъ судья обязанъ увѣдомить другую сторону и спросить ее, желаетъ ли она подвергнуться разбирательству по такому-то вопросу; затѣмъ въ теченіе 3 дней мировой судья предлагаетъ каждой изъ сторонъ выбрать по 5 человѣкъ уполномоченныхъ. Далѣе въ условленный сторонами срокъ и подъ предсѣдательствомъ этого мирового судьи происходитъ засѣданіе, сначала лишь въ смыслѣ убѣжденія къ примиренію двухъ сторонъ, а затѣмъ, если примиреніе не состоится, то мировой судья предлагаетъ третейскій судъ (для котораго назначается лишь по одному выборному съ каждой стороны и судья-предсѣдатель) и затѣмъ постановляется рѣшеніе. Слабой стороной французскаго устройства считается, что всѣ рѣшенія безусловно свободныя не имѣютъ за собой принудительной силы.

Роль мировыхъ судей во Франціи относительно примиренія рабочихъ съ хозяевами и предупрежденія

стачекъ исполняютъ въ Австріи фабричные инспектора и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, довольно успѣшно, хотя по видимому по тѣмъ или инымъ причинамъ (или по недостатку численнаго состава, или по неосвѣдомленности о предполагаемыхъ стачкахъ), имъ приходится вмѣшиваться въ стачки не особенно часто Такъ за 1891 — 1902 г.г было въ Австріи 2390 стачекъ, а инспектора вмѣшивались лишь въ 573 случаяхъ; по словамъ однако самихъ инспекторовъ, въ ихъ отчетахъ, имъ приходится разбирать и примирять хозяевъ съ рабочими, будто-бы, даже до половины всѣхъ предположенныхъ, или начатыхъ стачекъ.

Вся крупная важность устройства примирительныхъ камеръ для рѣшенія споровъ рабочихъ съ хозяевами выступаетъ на первый планъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Тамъ имѣется именно двоякое законодательство въ этихъ видахъ — федеральное и сверхъ того — многихъ отдѣльныхъ штатовъ. Во первыхъ по закону, уже нынѣ устарѣвшему, 1888 г. тамъ имѣлся законъ федеральный для стачекъ исключительно желѣзнодорожныхъ и заключался въ третейскомъ судѣ добровольномъ и по желанію одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Судъ состоялъ изъ одного члена отъ желѣзной дороги и одного отъ служащихъ или отъ рабочихъ, которые избирали себѣ предсѣдателя. Затѣмъ, по тому же самому закону въ случаѣ подобной стачки на желѣзной дорогѣ, каждый разъ назначалась слѣдственная коммиссія — по два члена отъ Штата и дороги—съ весьма высокопоставленнымъ и опытнымъ предсѣдателемъ въ лицѣ т. н.

Commissioner of Labor, или Министра Труда, должность которую занимаетъ въ настоящее время напр. извѣстнѣйшій статистикъ и соціологъ Карроль Райтъ Эта коммиссія должна произвести изслѣдованіе на мѣстѣ со всѣми необходимыми допросами и подробнымъ описаніемъ поводовъ и ходовъ забастовки. На коммиссію возлагалась также обязанность изученія лучшихъ способовъ устранить на будущее подобныя стачки по тѣмъ же мотивамъ и довести о томъ до свѣденія правительства. Въ 1898 году вышелъ новый федеральный законъ, значительно измѣнившій прежнія положенія: для этой цѣли существуютъ нынѣ два учрежденія: во первыхъ постоянный судъ для примиренія и во вторыхъ третейскій судъ (временной), каждый разъ составляется изъ особаго выборнаго состава. Оба случая, или вида камеръ — добровольны, но постановленіе третейскаго суда—обязательно.

Сверхъ этихъ федеральныхъ законовъ, не надо забывать, въ 24 Штатахъ имѣются свои собственныя примирительныя учрежденія разнаго свойства и разнаго состава: въ нѣкоторыхъ имѣются оба вида камеръ (т. е камера примиренія и третейскій судъ), въ другихъ же одно, точно также нѣкоторыя являются постоянными учрежденіями, другія — временными. Во всякомъ случаѣ самый фактъ такого распространенія камеръ въ Америкѣ свидѣтельствуетъ об ь общемъ признаніи ихъ важности и необходимости, которое напр. еще ненашло себѣ мѣста въ нашемъ государствѣ.

Самое замѣчательное и оригинальное разрѣшеніе вопроса о примирительныхъ камерахъ получилъ въ новое время (1894 г.) и въ новомъ государствѣ, въ

британской колоніи въ Австраліи — Новой Зеландіи. Рѣзкое отличіе этого законодательства состоитъ во 1-хъ въ его *общей обязательной силѣ*. Стачки недозволены, или запрещены, если они не прошли, такъ сказать, черезъ горнило примирительнаго суда и только тогда стачка можетъ имѣть мѣсто, когда не состоялось, не смотря на всѣ усилія, примиренія, или не получилось опредѣленнаго постановленія суда. Для данной цѣли въ Новой Зеландіи устроено нѣсколько камеръ примиренія въ разныхъ частяхъ страны и одинъ общій для страны третейскій судъ. Камеры примиренія составляются изъ трехъ или пяти членовъ съ обѣихъ сторонъ, выбранныхъ на три года и которые сами избираютъ себѣ безпристрастнаго предсѣдателя изъ постороннихъ лицъ, обыкновенно юриста. Отличительная черта новозеландскихъ примирительныхъ камеръ состоитъ въ томъ, что къ примиренію допускаются исключительно рабочіе, состоящіе членами рабочихъ союзовъ, въ которые такимъ образомъ каждый рабочій долженъ быть обязательно записанъ. Оба вида этихъ примирительныхъ учрежденій въ Новой Зеландіи постановляютъ одинаково обязательныя или принудительныя рѣшенія, но первая—т. е. камера примирительная—путемъ возможнаго соглашенія—и слѣдовательно этого соглашенія можетъ не состояться и тогда очевидно, если обѣ стороны не захотятъ третейскаго суда, останется рѣшить дѣло забастовкой; третейскій же судъ или приступаетъ къ дѣлу самостоятельно, если прямо обѣ стороны его предпочтутъ камерѣ примиренія, или является второй инстанціей, если въ камерѣ соглашенія не состоялось. Оба эти учреж-

денія въ Новой Зеландіи имѣютъ всѣ функціи и права суда, т. е. право вызова свидѣтелей, требованія разныхъ документовъ для провѣрки и т. д

Результаты этого новаго опыта въ Новой Зеландіи замѣны стачекъ подобными камерами можно считать вполнѣ благопріятными. За разные года количество стачекъ предупрежденныхъ или несостоявшихся, благодаря примѣненію этого закона, составляетъ отъ одной трети до половины всѣхъ предположенныхъ въ данное время забастовокъ, т. е. отъ 30% до 50% обшаго числа стачекъ отмѣняется [1])...

У насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ никакихъ попытокъ устройства государствомъ примирительныхъ камеръ нѣтъ: были лишь по слухамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ поползновенія къ учрежденію подобныхъ камеръ, по иниціативѣ самихъ рабочихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, между тѣмъ повальная горячка стачекъ, которою Россія больна уже болѣе года, вполнѣ, конечно, заслуживаетъ вниманія и вызываетъ необходимость въ Россіи установить, по примѣру другихъ странъ подобную важную форму замѣны стачекъ. Трудно, конечно, выбрать наиболѣе желательный и подходящій къ русскимъ условіямъ жизни, видъ и организацію этихъ камеръ, что можетъ быть сдѣлано лучше всего путемъ опыта, но болѣе совершенной и вызывающей единодушныя похвалы считаютъ ея устройство примирительныхъ камеръ въ Новой Зеландіи.

---

[1]) Department of Commerce and Labor, Bulletin of the Bureau of Labor, № 60. Washington. 1905.